

ДЕЛЬМИРА АГУСТИНИ

1886—1914

УРУГВАЙ

*Перевод с испанского Инны Чежеговой **

В плеяде женских имен, вошедших в латиноамериканскую поэзию XX века, Дельмира Агустини сверкнула ранней и преждевременно угасшей звездой. Дочь богатых родителей, она получила традиционное домашнее образование, была одарена музыкально, а ее поэтический талант, проявившись очень рано, приводил всех в изумление своей стихийной силой и чувственным лиризмом, столь не вязавшимися с обликом совсем юной, хрупкой, золотоволосой девушки. В двадцать лет Дельмира Агустини выпустила первый стихотворный сборник «Белая книга» (1907), имевший шумный успех как у публики, так и в литературной среде. Неистовость ее поэтической фантазии, образная смелость, зрелое совершенство формы — все это сразу заставило заговорить о появлении нового оригинального дарования. Знаменитый никарагуанский поэт Рубен Дарио предсказал поэтессе блестящее будущее, которому, увы, не суждено было осуществиться. Таланту Дельмиры Агустини в высшей степени присущи музыкальность и метафорическая напряженность. Ее поэзия отличается причудливой пышностью образов, мелодической магией ритмов. Однако более всего неотделим от ее лирики чувственно-трагический экстаз, увлекающий поэтессу то в «цветущий сад» любви, то в «нездешние края» мечты, то в «мрачную темницу смерти». При жизни Дельмира Агустини успела издать еще две книги стихов: «Утренние песни» (1910) и «Пустая чаша» (1913). Любовь и смерть оставались ее излюбленными темами. К тому времени «мечта о любви» обернулась для нее несчастливим замужеством, а предчувствие ранней смерти, всегда витавшее, «как чьих-то крыльев тень», над ее жизнью и поэзией, увы, вскоре сбылось: она была убита мужем, которого незадолго до того покинула. Неопубликованные при жизни стихи Агустини вошли в сборники «Цветник Эроса» и «Светила бездны» (1924). Творчество Дельмиры Агустини оказало значительное воздействие на латиноамериканскую лирику, особенно женскую. «От нее пошли мы все, поэтессы Америки», — писала о ней великая чилийская поэтесса Габриэла Мистраль.

* ДЕЛЬМИРА АГУСТИНИ — Лирика (*Перевод с испанского и вступление Инны Чежеговой*) // *Созвездие лиры* (М.: Художественная литература, 1981), 107–120.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

Невыразимое

Да, скоро я умру, и я умру так странно:
меня не жизнь, не смерть и не любовь убьет,
но мысль меня убьет, немая, словно рана...
Знакома ли вам боль, которую несет

мысль непомерная, что гложет неустанно
и плоть и душу вам, но чей не зреет плод?
Вам сердце жжет звезда, что гаснет безымянной
и, мстя, сжигает вас, но света не дает?

Голгофа вечная! Нести в себе все время
бесплодно-цепкое губительное семя,
нутро мне рвущее безжалостным клыком!

Но как от рук Христа ждут чуда воскрешенья,
так чуда жду и я: дождусь ли озаренья?
Вдруг семя прорастет невиданным цветком?

Карнавал

Шуршание шелка,
бубенчиков звон,
смех, крики — со всех
долетают сторон!

Повсюду веселья
ликующий вал:
«Что это?» — «Спешите!
Это я — карнавал!»

На деревянных
пляшет подмостках
марионетка
вся в лентах и блестках, —

дай рифму любую,
и вот вам куплет:
вас всех позабавит
плясун и поэт.

Меж стройных пажей
и изящных графинь,
галантных маркизов,
седых герцогинь —

намеков и взглядов
дуэль из-под масок,
сражение цветов,
наводнение красок,

с губ нежных срываясь,
слова лаской манят,
а шулки, как стрелы,
порой сердце ранят.

То стройная ножка
мелькнет из-под платья,
то ручка ответит
на чье-то пожатье;

шампанского пена
в хрустальных бокалах,
и смех, словно жемчуг,
с губ сыплется алых.

Венки, ожерелья,
тюль, шелк, кружева...
От блеска кружится
моя голова!

И смех рассыпается
звонкою трелью:
дорогу, дорогу,
дорогу веселью!

«Ах, марионетка,
плясун и поэт,
люблю твои шулки,
задорный куплет,

забавник и плут —
твоя роль хороша,
но где у тебя,
ты скажи мне, душа?»

«Взгляни мне в глаза!» —
подскочил он ко мне.
Взглянула со страхом,
а там, в глубине
бездонной,
Змей Зла, затаившись, лежал!

Дорогу веселью —
идет карнавал!

Вдохновение против смерти

О смерть-императрица,
когда явиться
мне, раненной невидимым ударом,
к тебе придется в мрачную темницу
с моим ничтожным и волшебным даром,
чтоб слить в твой кубок счастье и потери, —
задуешь свечи ты и все затворишь двери.

В сокровищах моих
среди алмазов и топазов золотых,
там, где рубин горит растравленной раной,
звезды лучится кокон голубой:
он должен свет вернуть глазам, что слишком рано
забыли жизнь, плененные тобой.

Мечта о любви

Была в мечте моей вначале страсть и сила:
как шумный водопад, она во мне бурлила,
как в бурю океан, безумием больна,
сметала жизнь мою, как ураган, она.

Потом мечта моя поникла, как светило,
чья предзакатная глава воспалена
улыбкой огненной, но, как мольба, грустна
улыбка: всю печаль в ней солнце отразило.

Теперь в мечте моей — восторг, печаль и смех,
все сумерки земли, цветенье радуг всех,
как идол, хрупкая, сильна, как божье имя,

над жизнью властвуя, встает мечта моя, —
и поцелуй горит, свой аромат тая
в цветке, чьи лепестки оборваны двоими.

Захватчица

Любовь, в ту ночь, когда я, мучимая адом
отчаянья и слез, ворочалась без сна,
ты золотым ключом открыла дверь и рядом
со мной простерлась ты: вся свет и белизна.

Все осветила ты своим алмазным взглядом,
из чаши отпила, что так была полна,
и долила ее благоуханным ядом...
Так я, любовь, тобой была побеждена.

Отныне я с тобой делю и смех и слезы,
как пес тебя храню я от любой угрозы,
впиваю тьмой души твой терпкий аромат,

дрожу, когда твой ключ дверей коснется снова,
благословив ту ночь, когда, придя без зова,
ты превратила жизнь мою в цветущий сад!

Издадека

Как траурный кортеж, размеренно-уныло,
безмолвной чередой течет за часом час...
Ты далеко, и жизнь мне без тебя постыла,
и лишь во сне мечта соединяет нас.

Но возвратишься ты, чтоб вновь заря омыла
мой горизонт, что хмур, как взгляд печальных глаз,
чтоб зазвенел твой смех, чтоб я на голос милый
и шум твоих шагов спешила каждый раз.

Когда мы встретились, не зная о разлуке,
все, чем владела я, в твои вложила руки, —
свою судьбу тебе вручила я в тот день!

Моя душа с твоей как с небесами море:
меж ними пролетят, друг с другом вечно споря,
Шторм, Время, Жизнь и Смерть — как чьих-то крыльев тень.

Чудесный челн

Челн приготовьте мне, чтоб был, как мысль, просторным,
пусть «Тенью» иль «Звездой» он будет наречен,
ни ветру, ни руке не будет он покорным,
но будет волен он, прекрасен и умен.

Пусть поведет его биением упорным
то сердце, коему неведанный снится сон,
и, словно божьих рук объятые чудотворным,
пусть вынесет меня в любую бурю он.

Челн нагрузить хочу я всей моей печалью,
и в нем, как лилия, приманенная далью,
по воле волн пушусь в неведанные края...

Мой челн, душа моя! Каких ждать приключений,
случайных радостей, глубоких откровений
в пути? Уж ни мечтать, ни жить не в силах я.

Последняя реликвия

Еще одна душа — на этот раз моя —
исчезла... А она, когда любила я,
то плакала со мной, участия не тая,
то веер золотых улыбок мне дарила...

В моих руках она струилась, как волна
волос... Как огонек и воск, была нежна...
Страданья моего не вынесла она,
и мнится мне, что я сама себя убила.

Разрыв

Как неизбежный рок, та цепь тяжка была,
священна, словно жизнь, и, как душа, нежна;
восставшая раба — ее я порвала:
была я, словно смерть, сильна и холодна...

Но в озеро души мой любопытный взор
проник, и в зеркале спокойно спящих вод
вдруг отразился сфинкс, и вижу я с тех пор:
насмешкой надо мной его кривится рот.

Новый род

Будь я твой поводырь, Эрос, в царстве твоём,
я бы властью твоею слепой повелела,
чтобы тело любимого пало огнём
на мое среди роз распростёртое тело.

Я нектаром его опую, чтобы в нём
страсть, как ястребов стая, кружила и злела,
чтоб навстречу тем ястребам в теле моём
стая розово-белых голубок взлетела.

И, как змеи, пусть руки его обовьют
мой податливый стебель... И с губ моих пьют
губы мед мой, что я для него собирала...

Жду, как сева горячая ждёт борозда:
будет брошено семя в меня, и тогда
роду светло-безумному дам я начало!

* * *

Твоя любовь как солнца луч кинжальный...
Садовником, что был возделать рад
и жизни сад, и смерти сад печальный,
явился ты в мой первозданный сад.

Убийственны твои уста и сладки,
а речь твоя — отравленный елей;
и ласк твоих нежнейшие перчатки
не скроют остроты твоих когтей.

В твоих глазах раскинуты тенета,
и медом проклятым чернеют соты —
в них бьётся неподатливость моя

личинкой, страстно ждущей превращенья...
Как в башне, где живут лишь привиденья,
в твоих объятьях одинока я.

Неугасимые

Глубок твой сон: тебя ничто не пробудит,
но мертвый, как живой, твой взор всегда открыт,
и мертвых, как живых, твоих зрачков магнит
вечно сияющий ночь скорби мне явила
под покрывалом звезд, под кружевом луны...
В них, как в лагуне, я пью воду тишины,
в них глубина, покой, магическая сила, —
и в каждом мнится мне то ложе, то могила.

Лебедь

В парке смотрит голубое око,
отражая небо голубое,
озеро, прозрачное такое,
что порой, мне чудится, я вижу:
на зеркальной, трепетной странице
отразившись, мысль моя искрится.

На воде, цветком раскрывшись белым,
озера душа живая — лебедь:
смотрит человеческими глазами,
словно принц, изящно-величавый,
крылья белой лилии белее,
клюв как пламень, скорбно-гордой шеи
царственный изгиб; он — воплощенье
белизны и нежности, он — лебедь!..

От его движений величавых
веет колдовским очарованьем:
спрятанная в лилию гвоздика,
пахнущая тайной и призывом...
Белых крыльев взмах меня смущает,
словно чьи-то жаркие объятья...

Клюв его горит в моих ладонях,
как ничьи уста не пламенели,
голова его ко мне склонилась
с нежностью, неведомой досель мне;
кто еще так сострадал, внимая
горестям моим, моим надеждам, —
нахожу я в сердце лебедином
больше нежности, чем в человеческом...

Как рубин, сверкающий в короне,
клюв его ко мне влечется жадно,
и рубиновый горячий отсвет
полон сокровенного желанья...

Воду пьет он из моих ладоней,
в клюве огненном вода пылает,
и всем телом к лебедю тянусь я,
и меня сжигает этот пламень.

Днем я с ним не расстаюсь, и часто
вижу я во сне его, ночами...
И порой мне чудится, что лебедь
со своими гордыми крылами,
странным, словно человеческим, взором,
с клювом, опаляющим, как пламень,
он, скользящий по озерной глади, —
мой возлюбленный, мой долгожданный.

К озеру иду я голубому,
лебедя зову, с ним говорю я,
мне в ответ молчанье, словно роза,
расцветает в лебедином клюве,
но без слов его мне внятн отклик,
мы без слов с ним говорим друг с другом...

И порой я вся — душа сплошная,
а порой я вся — сплошное тело...
Мне на грудь склонившись, застывает,
словно мертвый, белоснежный лебедь...
На отзывчивой, зеркальной глади
озера, прозрачного такого,
что на нем, как на листе бумаги,
вижу мысль свою запечатленной,
белый лебедь, словно красный пламень,
и как смерть бледна я и безмолвна.

Средневековье

Старые романсы:
рыцари и дамы,
поцелуи чистые,
рдеющие раны.

Темной безмолвной
пала ночь на землю,
свет луны печален,
немошный и бледный.
Конь летит горячий,
всадником пришпорен,
мчится по равнине
рыцарь благородный.

В час глухой, полночный,
в пору привидений...

Он спешит, охвачен
страстным нетерпеньем;
у опушки леса
ждет его соперник,
а за лесом, в замке,
ждут любовь и счастье:
юной герцогини
нежные объятья...
Скачет, скачет рыцарь,
взор отвагой блещет,
и дрожат уста его,
и копые трепещет.

Свет зари все ярче:
бледный и печальный
тихо, тихо едет
рыцарь в путь обратный...

Едет и везет он
знаки своей славы:
знак любви чистейшей,
знак вражды кровавой.
На устах трепещет
поцелуй чистейший,
а другой — кровавый,
как рубин, алеет
на груди соперника,
что в бою повержен:
от копья зажегся
поцелуй смертельный.

Едет, едет рыцарь,
славой осиянный:
на груди соперника
поцелуй кровавый.
На устах у рыцаря
поцелуй чистейший,
и дрожат уста его,
и копые трепещет.